

Трех-сын

Поехал муж с женой в лес по грибы с робенком; нашли много грибов, стали собирать да в кучу класть, хозяйка мужу и говорит: «Сложь его под сосенку, а то лошадь свернет да его убьет». Они грибов наломали много и потеряли лошадь с робенком. Пришли домой — лошадь дома, а робенка нет. Сделали они тревогу, что робенка потеряли. Наутро ходил народ искать; то место, где они грибы брали, нашли, а робенка нет, пропал. А в этом дремучем лесу трудились трое труженики старцы и слышали они робячий голос (вячйт). Они шли, шли, дошли и взяли его. Видят — мальчик. Принесли его в свою землянку и думают, как назвать. Один говорит: «По мне». Другой говорит: «По мне». И третий — то же. Решили они так: «Будь он Трех-сын». Кормили его, обували и одевали; стало ему вбсьмнадцать лет, и думают старцы: «Что нам его в лесу держать? Надо его проводить куды следует: он уже в совершенном разуме стал». И говорят ему труженики: «Ступай вот по этой тропочке, выйдешь куды следует, пойдешь путем-дорожкой; стоит там привязанный конь; сядь на него и поезжай!» Трех-сын со стариками распрощался, собрался в дорогу. Шел, шел, доходит до коня. Любо-дорого посмотреть! Сел на добра коня и поехал. Ехал долго ли, много ли — лежит на дороге платочек отличный-хорош; слез с коня, взял его, конь ему и говорит: «Ай! Трех-сын, не бери платенце: худо тебе будет!» Он его не послушался, положил находку в карман и дальше поехал.

Лежит на дороге павлинье перо; он и на него прельстился. «Ах, перушко хорошо! Пусать можно чего!» Слез и поднял. Конь ему и говорит: «Ох, Трех-сын, не бери его: худо будет!» Тот не слушал, поехал дальше и видит: лист бумаги лежит. «Ах, штука-то надобна, — говорит, — быть мбже, письмецо написать!» Конь ему и говорит: «Ох, Трех-сын, не бери: худо будет!» Он и на этот раз не послушался. Приезжают в город, прямо на царский двор, и докладывают царю, что желает такой-то человек где бы послужить. Царь его взял к себе, в ученье отдал и спросил: «Как тебя звать?» — «Я, — говорит, — Трех-сын». Отдали его на конюшню ко конюхам. Коня он своего в поле пустил; занялся крепко конным ученьем и стал за конями ходить, гладить и кормить. Царь как ни посмотрит, кони все чистые и гладкие, а у прежних — все нечистые и негладкие. Вот они (прэжни-то) на него крепко серчают и думают чего-нибудь на него нахвастать царю. Приходят они раз к нему и говорят: «Ваше царское величество, чем у нас Трех-сын хвалится: я,

говорит, знаю, отчего день красный, отчего сѹмрасный». Царь этому делу поверил, призывает Трех-сына. «Что ты знаешь, отчего день красный и день сѹмрасный?» — «Нету, не знаю и не говорил никому». — «Съезди, дознай, а то я тебя повешу!» Вышел Трех-сын из городу вон в зеленые луга и горько заплакал. Является перед ним конь, на котором он приехал. «Что, Трех-сын, больно плачешь?» — «Как не плакать, добрый конь? Вышла велика беда». — «Говорил я тебе: не бери полотенце — худо будет; ну, да садись, поедем!» Он сел, да и поехал. Ехали много ли, мало ли, долго ли, коротко ли, едут дремучим лесом и бьются дуб об дуб, и проехать им нельзя. «Куды, Трех-сын, едешь? Скажешь — пропустим». — «Еду узнать, отчего день бывает красный, отчего сѹмрасный». — «Эге-ге, далеко же, — говорят, — ты поехал... Помяни об нас: мы стучамся друг об дружку сорок лет, а когда будет нам век? Поезжай дальше: там ксажут!» Трех-сын дальше поехал. Ехали, ехали много ли, мало ли, доехали до девки. Девка свиной пасет. Свины оцетинились, не пускают, хотя их разорвать. «Куда, Трех-сын, едешь?» — «Да узнать, отчего день бывает красный, отчего сѹмрасный». — «Ну, поезжай, — говорит девка, — помяни обо мне: я пасу сорок лет; еще долго ли буду пасти? Поезжай, где солнышко садится; там девушки прядут, прялки на небо кладут. У Солнышка есть сестра; Солнышко сядет, все ей расскажет». Приехал он туда; приходит к Солнышковой сестре, стал ее спрашивать; она стала ему сказывать: «Не знаю, — говорит, — а вот Солнышко придет, сядет — я спрошу». — «Да еще спроси: ехал я путем-лесом — бьются дуб об дуб сорок лет; когда им будет смена? Да еще девка свиной пасет тоже сорок лет, и отставки ей нет». — «Хорошо, спрошу. Куда же мне тебя деть, спрятать, а то оно тебя найдет, сожжет». И взяла его в сундук заперла. Солнышко село и слушает: «Русским духом пахнет! Кто-нибудь есть у тебя?» — «И-и, Красное Солнышко, ты по вольному свету ходишь, русского духу наима́лся. У меня никого нет. Расскажи-ка: в дремучем лесу два дуба сорок лет бьются, кто их сменит?» — «Трех-сын поедит, сменит». — «Почему он двоих сменит?» — «А вот почему: что он поедет перва́ до девки; станет она его спрашивать, поминал ли обо мне; если он сорок сажень проедет дальше за нее, да скажет, кто сменит, то свины его не догонят. И дубы — все равно». — «А отчего день красный, отчего сѹмрасный?» — «А вот отчего: морская есть за тридеветь земель богородица (sic); выходит она за русского царя замуж. Когда она в море сидит — красный день бывает, когда наружу выходит — тот день сѹмрасный».

Пришло время Солнцу опять на свое место всходить; пошло оно, куда следует; а Трех-сын, разузнавши дело, сел на доброго коня и поехал.

Доехал до девки, она и спрашивает: «Что, Трех-сын, поминал ли обо мне? Говори, а то не пропущу!» — «Расскажу, — говорит, — пропусти только меня за сорок сажен!» Свињи от дороги отошли; он отъехал на сорок сажен и говорит: «Трех-сын тебя сменил!» Ударил коня и полетел. Свињи гнались, гнались и не догнали. Приехал к дубам, те опять спрашивают; он им и говорит: «Скажу, только пустите меня за сорок сажен». Сорок сажен проехал и говорит: «Трех-сын сменил!» Ударил своего коня и полетел. Дубы вырвались с корнем вон и айда за ним кувырком. Гнались, гнались, а не догнали. Приезжает Трех-сын к царю во дворец, стал ему рассказывать, отчего день красный, отчего сѹмрасный, коня опять пустил в зеленые луга, а сам на конюшню поступил. Дни два проходит, конюхи опять думают как бы на него нахвастать; приходят к царю и говорят: «Трех-сын хочет достать морскую богородицу!» призывает царь Трех-сына. «Ты хвалишься, что можешь достать морскую богородицу?» — «Знать ничего не знаю». — «Если не сослужишь мне эту службу, сейчас повешу!» Трех-сын опять пошел в зеленые луга; ходит и плачет. Конь является к нему. «Что больно плачешь?» — «Да вот, конёчек, посылает меня царь достать морскую богородицу». — «Говорил я тебе: не бери павлинье перо — худо будет. Ну, поди сходи к царю и закажи сорок пар башмаков!» Трех-сын пошел к царю, приказалшить сорок пар башмаков. У царя около одной ночи все поспело. Башмаки Трех-сын собрал и в сумочку поклат. Сел и поехал. Ехал горами, долами, темными лесами; уехал за тридеветь земель в десятое царство, подъехал к синему морю и завел базар: стал башмаками торговать. Конь ему и говорит: «Мотри, не плошай! Скоро она к тебе выйдет, будет башмаки покупать, а я буду в овраге лежать. Как она будет башмаки торговать, ты тут ее лови и меня кричи!» Вот он расклат товар и торгует, один разъединый. Выходит морская богородица; стала башмаки торговать, он ее цоп да цоп! «Конёчек, сюда! Теперь она моя!» Конёчек подбежал, в мешок ее засовал. Товар побросали и поехали. Приезжают к царю. Так рад был ей царь, беда! Хочет он с ней обвенчаться, а морская богородица и говорит: «Я с тобой венчаться не могу: у меня нет подвенечного перстня: у меня перстень в море. Там есть камень, под камнем сундук, в сундуке — перстень. Достань, тогда повенчаюсь». Царь думат: кого посылать? Опять Трех-сына. «Поезжай, доставай и перстень!» Он горько заплакал: «Я не могу достать». — «Сейчас повешу, если не поедешь!» Пошел Трех-сын в зеленые луга и ходит, горько плачет. Является конёк. «О чем плачешь?» — «Как мне не плакать? Царь велел мне из моря перстень достать». — «Говорил я тебе: не бери лист бумаги — худо будет, ну да садись на меня, поедем!» Поехали на море; конёк и говорит: «На бережке рыбак сидит; поди сядь за него, чтоб он тебя

не видал. Он пёрву рыбку выудит, на́ берег выкинет — весь год ей сыт; ты ее возьми, да и не отдавай ему. Достань мне, скажи, перстень морской богородицы, тогда рыбку отдам!» Он так и сделал. Поймал рыба́к рыбку, он взял ее и не отдает: «Достань из моря перстень, тогда отдам!» Рыба́к бултых в море, поднял камень и достал перстень. Трех-сын сел на оня и поехал назад. Привез перстень; царь встретил его, а морская богородица и говорит: «Трех-сын, не отдавай царю перстень! Я завтра вам обоим велю в котлах искупаться; тебе — в смоле, а ему — в молоке, в белом кипятке!..» Повел Трех-сын конька в зеленые луга. Конь и говорит: «Ну, Трех-сын, завтра на тебя беда! Не забудь меня. Будешь купаться в смоле, а царь — в молоке, только вскричи: Э, где мой добрый конь? Распрощуся с тобой: прысну в котел правою ноздрей — вылетит вся смола; из левой ноздри пу́щу дыму — не увидит никто».

На утро подвесили котлы и наклали под них дров, вскипятили смолы и молока. «Ну, женихи, купайтесь в котлах! Кто искупатся, тот мой муж!» Трех-сын и говорит: «Ваше царское величество, искупайтесь прежде, а мне не на́ды». Морская богородица и говорит: «А кто меня доставал, тот и венчаться со мной будет». Трех-сын закричал громким голосом: «Эх, добрый конь, погибаю!» Конь подбежал, громким голосом заржал, фыркнул правою ноздрей — вся смола вылетела; из левой ноздри дым пошел. Выкупался в смоле добрый молодец, стал не вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Царь в молоко махнул и теперь там. Тут Трех-сын не пиво варить, не вино курить, сейчас да и за свадьбу. Обвенчали и в палаты помчали; стали жить да быть.

(Абра́м Новопо́льцев)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.